

СЕВЕРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

АРТАК МАРГАРЯН

Артак Маргарян

СЕВЕРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

«Автор»

2026

Маргарян А.

СЕВЕРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ / А. Маргарян — «Автор», 2026

«Северное направление» — военная драма о бойцах, затерянных в глухом лесу на северном фронте. Их опорник разбит, связь с командованием потеряна, вокруг — враг. Единственный шанс выжить — уйти в «белое пятно» на карте, куда не суётся никто. Но холод, голод и дроны в небе не оставляют права на ошибку. Это книга не о героях. Это книга о людях, которые мёрзнут, боятся, теряют товарищей и всё равно идут вперёд. Потому что «Север» — это не направление. Это состояние души.

© Маргарян А., 2026

© Автор, 2026

Артас Маргарян

СЕВЕРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

"СЕВЕРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ"

Жанр: военная драма, окопная правда

СВО, северное направление, декабрь

Лейтмотив: «Холод — это не погода. Холод — это состояние души, когда уходит страх»

Глава 1. Здесь водятся волки

Воздух звенел.

Не тот звон, что бывает в ушах после контузии, а настоящий, морозный. Такой бывает, когда столбик термометра проваливается ниже отметки «минус двадцать» и застревает там, а деревья в лесу начинают трескаться от стужи, словно выстрелы.

Лейтенант с позывным Топограф осторожно провёл пальцем по карте. Бумага была хрупкой, как облатка. Он нанёс последний штрих красным карандашом — изгиб замерзшего ручья, который они обнаружили час назад. Им нужна была вода. В блиндаже кончился запас.

— Что там у тебя, Топограф, новая карта сокровищ? — голос Бродяги звучал глухо из-под балаклавы. Он сидел на корточках у входа в землянку и чистил пулемёт. Масло загустело на морозе, превратившись в янтарную смолу.

— Здесь, — Сергей ткнул карандашом в точку на карте, где синела нитка реки, — промоина. Если не сходим за водой сегодня, завтра начнём топить снег. А топлёный снег — это ангина и отсутствие сил. Нам нужно три фляги. Минимум.

Бродяга хмыкнул, выпустив облако пара.

— Сгоняем. Только ночью. Днём там «птички» летают. У нас тут, мать его, курорт северного направления. Тепловизоры у хохла злые, как собаки.

Топограф сложил карту вчетверо и убрал в нагрудный карман, туда, где билось сердце. Для него эта самодельная карта была важнее планшета «Стрельца». Электроника врёт, садится, её глушат РЭБом. А это — правда, измеренная шагами и кровью.

Где-то далеко, на западе, глухо ухнуло. Земля даже не вздрогнула, просто звук пришёл и ушёл, растворившись в белой ватной тишине зимнего леса.

— Кассетой лупят, — равнодушно констатировал Бродяга. — По квадратам. Нас не заденет, ветер южный.

В проход протиснулся Клык. Его лицо, молодое, с ещё не до конца огрубевшей кожей, было бледным, а глаза красными от недосыпа. Он держал в руках пульт и аккумулятор, прижимая их к груди, как ребёнка.

— Там это... «Баба-Яга» справа прошла. Здоровая, зараза. Шесть винтов, несла чего-то тяжёлое. Я с пульта смотрел, даже дёргаться не стал. Смысл? Нас не засекала. Ей в тыл надо, — голос Клыка срывался.

Бродяга переглянулся с Топографом. «Баба-Яга» была не просто дроном. Это был тяжёлый сельскохозяйственный гексакоптер, переделанный для войны. Он поднимал миномётную мину или две «морковки» от РПГ и мог ронять их практически бесшумно с высоты, где его не слышно за шумом леса.

— Далеко прошла? — спросил Топограф, берясь за автомат.

— Метрах в трёхстах, вдоль просеки. У неё курс на старую вырубку. Может, нашим в тыл хочет зайти, а может, просто пугает.

— Или ищет нас, — тихо сказал Топограф.

Он посмотрел на бойцов. В блиндаже их было трое. Ещё двое спали в соседнем отсеке, завернувшись в спальные мешки, похожие на коконы тутового шелкопряда. Батя готовил еду внизу, в распадке, где огонь костра не так виден сверху. Итого семь человек на весь опорник. Семь человек на пути у «Яги», РЭБа и диверсионных групп.

— Воду берём ночью, — скомандовал Сергей. — Клык, подними нашу «Мавик-3». Мне нужна картинка тропы за полчаса до выхода. Если увидишь хоть тень — вылазку отменяем. Будем лизать иней до прихода борта снабжения.

Бродяга лязгнул затвором, проверяя, как он ходит на холоде.

— Слышь, Топограф, а смотри, как интересно получается... Водопровод замерз, кулера нет, комфорт отсутствует. Зато виды красивые.

— Какие виды?

— Северное сияние скоро будет, — Бродяга кивнул в сторону узкого лаза, за которым виднелся кусок вечернего неба. — Говорят, на войне оно к беде.

В блиндаж зашёл Батя. С его бороды свисали маленькие сосульки, а рукавицы были покрыты коркой льда от воды, которую он носил для готовки.

— Не к беде, — прогудел он своим низким, спокойным голосом. — Просто Бог показывает красоту там, где люди устроили ад. Чтобы вы не забывали, за что на самом деле стоит бороться.

Топограф ничего не ответил. Он достал карандаш и начал набрасывать на полях карты схему движения дрона. «Здесь водятся волки», — написал он в правом углу листа.

Только волки сейчас были не четвероногие, а стальные, висящие в небе. И вой их был тихим, электрическим жужжанием винтов, разрезающих морозный воздух.

Глава 2. Промоина

Ночь упала на лес внезапно, словно кто-то выключил рубильник. В декабре на этой широте солнце садилось рано — часам к трём дня оно уже цеплялось краем за верхушки сосен, а к пяти наступала крошечная тьма. Южная, мягкая тьма здесь не водилась. Здесь властвовала тьма северная — густая, морозная, звенящая.

Топограф ещё раз проверил снаряжение. Бронежилет он оставил — в разведку идти налегке, только «лифчик» с магазинами. Тепловизорная накидка, скрывающая тепловой след, была накинута поверх каски. Выглядело это громоздко, но работало: в тепловизор ты не человек, а бесформенное пятно, сливающееся с фоном холодной земли.

— Бродяга, готов?

Тот молча кивнул. В руках — автомат, на поясе — три пустые фляги, обмотанные тканью, чтобы не гремели. Металл на таком морозе звенит, как колокольчик.

— Клык, что по небу?

Парень сидел, уткнувшись в планшет. Картинка с «Мавика» была чистой: лес, просека, русло реки.

— Тихо. За последние двадцать минут — ни одного пролёта. «Яга» ушла куда-то южнее часа два назад. Но это не точно, командир. Могла сесть и ждать.

— Понял. Если что — дашь «маяк» по рации. Мы на канал «Тишина».

«Тишина» — это кодовое слово. Означало оно полное радиомолчание. Если Клык скажет в эфир хоть слово, значит — беда.

Топограф и Бродяга выскользнули из блиндажа. Мороз немедленно схватил за щёки, пробрался под балаклаву, заставил задыхаться часто и мелко. Снег скрипел. Противно, громко, предательски.

— Ступай след в след, — шепнул Топограф. — И не дыши носом, дыши ртом. Пар от носа светится.

Они двинулись вниз по склону. Лес здесь был старый, перемешанный: сосны вперемешку с голыми, обледеневшими берёзами. Ветки хватали за плечи, словно мёртвые пальцы. Где-то далеко ухнула сова — звук, от которого Бродяга на секунду замер и вжался в дерево.

— Сова, — успокоил его Топограф. — Обычная сова.

— Знаю я ваших сов, — проворчал Бродяга. — В прошлый раз тоже «сова» была, а потом прилёт по квадрату.

Спуск занял минут пятнадцать. Идти приходилось медленно, часто останавливаясь и слушающая лес. Тишина здесь была не нормальной. В мирном лесу всегда есть звуки: ветер, звери,

падающие ветки. Здесь же — звенящая пустота. Война выжгла всё живое либо заставила замереть.

Река показалась неожиданно. Лес расступился, и перед ними открылась широкая белая лента метров в тридцать, зажатая между обрывистыми берегами. Лёд был припорошён снегом, но у берега темнело что-то чёрное.

— Промоина, — показал Топограф. — Видишь? Там вода открытая. Течение быстрое, поэтому лёд не встал. Будем осторожны.

Они спустились к самой кромке. Чёрная вода маслянисто поблёскивала в свете луны, паря на морозе. От неё шёл странный, влажный холод, пробирающий до костей куда сильнее сухого мороза.

Бродяга лёг на лёд, подполз к краю промоины и опустил первую флягу. Вода с бульканьем устремилась внутрь. В этот момент тишину разорвал далёкий, но отчётливый звук. Звук, который не спутать ни с чем.

Выход миномёта. «Пам».

Они замерли. Секунда. Две. Три.

Прилёт раздался метрах в семистах, там, где остался их блиндаж. Глухой, тяжёлый разрыв. Вторая мина легла чуть ближе. Третья — с перелётом.

— Работают по нашему квадрату, — спокойно, даже буднично сказал Бродяга, вытаскивая флягу и закручивая крышку. — Кочующий миномёт. Сейчас отстреляется и уйдёт.

— Клык, приём, — Топограф нарушил «Тишину», нажав тангенту. — Клык, это Топограф. Как обстановка?

Тишина в ответ. Только шипение помех.

— Клык!

— Здесь я, — голос парня был испуганным, но живым. — Накрыло крайнюю позицию, ту, где пулемётное гнездо. Там никого не было, ты же знаешь. Но кроном деревьев нас задело. У Бати осколок по каске — по касательной, живой. Все целы.

— Отбой, ждите. Мы возвращаемся.

Топограф выдохнул. Пар вырвался из-под балаклавы белым облаком и тут же осыпался инеем.

Бродяга тем временем набрал третью флягу и отполз от края. В его движениях читалась злость.

— Каждый раз одно и то же, — пробормотал он. — Выходим за водой — прилёт. Выходим пострать — прилёт. Такое ощущение, что они знают наше расписание. Может, крот у нас?

— Может, просто радиоразведка работает, — Топограф помог ему подняться. — Слышат переговоры, вычисляют квадрат и накидывают. Не ищи заговор там, где достаточно обычной радиотехнической разведки.

— Ты слишком умный, Топограф. Это тебя когда-нибудь погубит.

Обратный путь занял вдвое больше времени. Приходилось идти, постоянно оглядываясь и прислушиваясь: миномёт, сделав своё дело, мог уехать, а мог и остаться, поджидая именно их — разведгруппу, вышедшую к реке.

Лес провожал их настороженным молчанием. Только снег всё так же предательски скрипел под ногами, и луна равнодушно смотрела сверху, заливая мёртвым серебряным светом поле боя, замаскированное под зимнюю сказку.

Глава 3. Клык

Блиндаж встретил их запахом сырой земли, оружейного масла и страха. Страх имел запах — резкий, кисловатый. Так пахнет пот, когда человек думает, что сейчас умрёт.

Батя сидел у печки-буржуйки и держал у виска мокрую тряпку. Каска валялась рядом. На ней, чуть выше левого уха, красовалась глубокая царапина — след от осколка, прошедшего по касательной. Ещё бы сантиметр левее — и разговор был бы совсем другой.

— Живой, старый? — Бродяга скинул фляги в угол.

— Как видишь, — Батя улыбнулся через силу. — Ангел-хранитель сегодня на посту. Или просто повезло. Я в пехоте не первый год, знаю, что такое «судьба». Сегодня не моя очередь.

Топограф стянул балаклаву, вытер лицо и подошёл к Клыку. Парень всё так же сидел с планшетом, но в глазах его стояла какая-то мутная пелена. Не страх даже. Что-то другое, более глубокое и опасное.

— Клык?

— А? Да, командир. Всё нормально.

— Ты вовремя засёк пустую позицию. Если бы там кто-то был...

— Если бы там кто-то был, — перебил его Клык, — я бы всё равно ничем не помог. Понимаешь? Я сижу тут, у экрана, вижу всё сверху. Я как бог, понимаешь? Вижу всё. Но сделать ничего не могу. Только смотреть, как по вам работают.

Топограф сел рядом. Он знал этот синдром. В психологии это называется «травма свидетеля» — когда человек видит опасность, но не может вмешаться.

— Слушай меня, — тихо сказал он. — Ты — наши глаза. Без тебя мы слепые котята. То, что ты видишь и докладываешь, спасает больше жизней, чем автомат Калашникова. Ты понял?

Клык молча кивнул. Но в глазах всё равно стояла та же муть.

— Дай мне пульт, — неожиданно сказал Топограф.

— Зачем?

— Дай. Хочу кое-что проверить.

Он взял пульт, включил экран. Камера дрона показывала верхушки деревьев и кусочек звёздного неба.

— Ты когда в последний раз поднимал птичку над теми позициями? — Топограф указал на карту, в сторону вражеских окопов.

— Дня три назад. А что?

— Подними сейчас.

— Ночью? Там ничего не видно.

— У нас есть тепловизор. Подними.

Клык пожал плечами, но приказ выполнил. Маленький дрон бесшумно взмыл в воздух и понёсся над лесом, пересекая серую зону. Топограф следил за картинкой.

Вражеские позиции были в полутора километрах. Когда дрон подошёл ближе, на экране замаячили тепловые сигнатуры. Люди. Много людей. Они суетились, передвигались. Явно шла какая-то активность, нехарактерная для ночного времени.

— Что они делают? — прошептал Клык.

— Готовятся, — спокойно сказал Топограф. — Видишь, двигаются с востока на запад. Группируются. Через час-два пойдут в нашу сторону. Это не просто кочующий миномёт нас беспокоил. Это артподготовка перед выходом ДРГ.

В блиндаже повисла тишина. Все переглянулись.

— Сколько их? — спросил Бродяга, уже натягивая бронежилет.

— По теплу — человек пятнадцать. Может, двадцать. Может, три группы по пять-шесть.

— Нас семеро.

— Знаю, — Топограф выключил экран и вернул пульт Клыку. — Поэтому будем думать. Батя, у тебя связь со штабом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.